

Литературная Россия
г. МоскваО прозе
Ольги КожуховойОЗАРЕННОСТЬ
ДУШИ

В ЛИЧНОСТИ Ольги Кожуховой, как и в судьбе ее, нелегкой и достойной, соединилось немало разных начал. Их породила эпоха, определив и образное мышление писательницы, и характеры ее героев — активных бойцов, убежденных в своих поступках. Дух сражения за идею, оплаченную собственной кровью, пронизывает произведения О. Кожуховой, ее раздумья, даже если они связаны с послевоенными событиями. Безусловно прав один из ее героев, сказавший: «Человек — это тот, кто заплачет не над своей, а над чужой болью». Принято писать о том, как автор любит своих героев; но ведь этого мало: сила таланта в том и состоит, чтобы заставить читателя их полюбить. Именно этого достигает О. Кожухова в «Раннем снеге», «Доннике», «Двум смертям не бывает».

В творчестве О. Кожуховой обнаруживаем новый пласт в разработке фронтовой темы. Личный опыт помогает ей воссоздать заново конкретные события, вызвать к жизни неповторимых, ярких людей, сформировавшихся в исторической битве за Отечество. Высокая миссия породила и героизм, и крупность характеров, отбросив мелкое, лишнее, второстепенное. В духовном складе людей, столь близких писательнице, отразился мир, обостренный до предела: спрессованный в миг непрерывный четырехлетний бой.

Путь ее к мастерству лежит через публицистику и зарисовки целинной повести («Хлеб, которым делишься»), через эссеизм воспоминаний о годах студенчества («Не бросай слов на ветер...»), через четкий лаконизм таких рассказов, как «Ночь ответов» и «Фотография», — к психологизму и полновзвучности ярких девичьих судеб, озаренных высокой духовностью.

Шура Углянцева, Марьяна Попова и Женя Мамонова — главные героини романа «Ранний снег». Однако недостаточно было бы обозначить роман как «девичий», несмотря на щедро раскрытые характеры двадцатилетних санинструкторов и пехотинцев. Чтобы стать в двадцать лет политруком, Шура Углянцева прошла тяжкий путь познания жизни перед лицом смерти, поняла путь добра, преодолев боль и жестокость, постигла высокую красоту.

В том походе, где судьбы спаяны смертельной опасностью, происходит и окончательный выбор друзей — не обаятельная, со всеми веселая, изворотливая и лукавая Женяка, но кристально светлая, идущая во всем до конца Марьяна. Не красивый, эффектный, себялюбивец Борис, а суровый, затаенно-нежный, неуклюжий Алексей Кедров. Раскрывая характеры главных героев, углубляя в их душевный мир, мысли, переживания, писательница стремится исследовать и героев эпизодических. Помните, какое внезапное чувство испытал перед смертью комдив Осип Маковец, какая мысль поразил его?

«Эх, Осип! — подумал он с необычайной тоской, поведя глазами по лицам красноармейцев. — Ведь это твои боевые друзья! Твои братья по пролитой крови!»

Столь же близок читателю и начальник медсанбата Петряков, сердце которого кричит нам через десятилетия: «Хорошо жить на свете, люди! Так живите же и не тратьте времени даром!.. И уж если когда-нибудь вам придется платить за свое недолгое счастье, как мне, то платите! Честно, щедро платите и сердцем и кровью. Жизнь стоит этого!»

Шемщая пронзительность этого заещения смыкается с лирической публицистикой, зачинающей многие главы романа, сообщает всей тональности доверительность разговора о жизни, о ценности мира. Страстная интонация окрашивает роман

«Ранний снег», выявляя в событиях разных десятилетий единое дязжение народной судьбы, омывая нынешнюю жизнь светом памяти. Мысли писательницы и героини часто сливаются, поскольку повествование идет от первого лица. Взывая к гражданскому чувству современника, О. Кожухова достигает успеха откровенной помятой обращенности.

«Летом сорок второго года все поля на Смоленщине, все луга и опушки до переднего края, все обочины проезжих дорог и овраги зацвели вдруг крупной белой ромашкой, нивяикой. Мне в сумерках наелся: Млечный путь опронулся, перевернулся и вот течет, уже блещет под копытами у коня, позванивает, чуть нурится белым туманом».

Тут слышится звенящая, поющая фраза, которая сладко и печально свяжет, пронизет весь «Донник», с его далью памяти, с его бесконечным чувством растворения в красоте родной природы. Молодость восприятия и точность поздней зрелой памяти, объединяясь, рождают изображение, уже соотнесенное с новым нравственным опытом.

Словно всю накопившуюся жажду петь, весь предыдущий поэтический опыт вложила Ольга Кожухова в свой «Донник». Он звучит, переливаясь, непрерывной кантиленой признаний, открытий, духовных прозрений. Немалое место занимает в нем раздумье о том, как мы с детством теряем и чувство гармонии

к тому времени, когда молодые жизни отдавались в бою за Отчизну без раздумий, без лишних слов и красивых жестов. В повести «Двум смертям не бывает» сполна проявилась та власть над словом, та сила образа, которая отличает крупный талант в пору его зрелости.

Самые трагические события О. Кожухова рисует сдержанно, жестковато. Но порой прорвется, прольется горячий всплеск лиризма или откровенная страсть публицистического высказывания, и ничуть не нарушится единый, целостный ритм повествования, идущего по нарастающей. И вдруг, словно крутой обрыв, глубокая пауза: через тридцать лет приходят на места боев те, кто остался жив. Собственно, их трое: медсестра Маруся, «вечный философ» из полковой разведки Арсентий Тышкевич и Сергей Большаков.

Нет среди них комдива Степана Митрофановича Шерстобитова, красавца, с ярко-синим огнем полыхающих то гневом, то веселостью глаз, с его внезапной, досадной тяжелой любовью, перевернувшей всю его упрямую натуру. Как хотел он тогда «выкурить» фашистов из Александровки малую кровью, с какой жестокой тоской посылал в разведку Ли-

нается повесть, его раздумьями она заканчивается. Образ этот, высветленный страданием за родную землю, неразделенной любовью, счастьем фронтовой мужской дружбы, пронизан постоянным стремлением к действию, молодым жизненным и решимостью отдать, если надо, свою жизнь за Родину. Капитан Большаков сродни лейтенанту Княжко из бондаревского «Берега» — светлой озаренностью души, чистотой, бескомпромиссностью и юной ранимостью.

Вот идет Сергей по улицам Суховершина, шатаясь от слабости, счастливый, что вырвался из госпиталя на фронт, и видит идущее пополнение, ведомое приземистым, некрасивым, немолодым старшиной. Однако столько было в этом старшине силы, достоинства и какого-то скрытого смысла, словно знал он «великую, неизвестную людям военную тайну». И так притягательны для Сергея опыт и ум, догадливость и ст... ая доброта старшины, что невольно задерживается он и замечает неумелого, пожилого новобранца, отбившегося от строя. «И печальный солдатик, оглянувшийся на оставленный эшелон, на свой дом где-то там, в глубине необъятной страны, и грозно окликувший его старшина были чем-то решительно связаны с жизнью Сергея давней внутренней закономерностью, о которой он прежде не знал и не думал». Мысли о предстоящих боях, о науке побеждать, о коренных, глубинных связях меж людьми тут, перед лицом опасности, помогают Сергею многое понять из того, что потом поможет ему, историку, написать об этой войне по законам высшей правды. Философия битвы через годы будет снова и снова не давать покоя историку Большакову, но в том феврале сорок второго впервые он четко подумал: «Без такой беспощадной военной науки человек не осмелится встать под огонь пулеметов. А уж если не встанешь ни ты и ни я, кто же встанет тогда защитить нашу Родину!..»

Как видим, лирическая публицистика, соединяющая мысли героя и автора, используется чаще всего именно в размышлениях Сергея Большакова. Его внутренние монологи раскрывают личность, может быть, наиболее духовно близкую автору. Сергей остро и полно чувствует красоту жизни тогда и теперь, много лет спустя. И эта определенность его личности тоже определяющая. Совсем недалеко, за Каршином, Сергей снова увидит старшину с новобранцами, с тем нескладным Буславой, увидит, еще не зная, что именно с ними придется штурмовать Александровку, увидит гибель этого самого Буславы.

Страстный лирический монолог, вырастающий в скорбный реквием, раскрывает перед нами и драматические вехи послевоенного мира, и героические страницы нашей истории 50—70-х годов. Размышления героя и автора слитны, едины в своей глазной позиции, вызывают к самым высоким человеческим чувствам, обращены своим пафосом ко всем живущим. Обобщения, вырастающие из мало-заметного факта смерти одного из миллионов русских в битве с фашизмом, как бы охватывают взглядом все пройденное человечеством за три десятилетия.

«Говорят, двух смертей не бывает... Нет, неправда! Бывает! И первая смерть, когда гибнешь от бомбы, от пули или снаряда. А вторая — беззастенчиво, бесследно исчезнуть из памяти поколений. Это даже хуже физической смерти...»

Как ни странно, но во все времена человек озабочен не тем, что умрет. Он смиряется и со смертью. Но, живя, он ищет бессмертия делу, которому служит, за которое столько страдал».

Почти десятилетие минуло с тех пор, как Ольга Кожухова написала эти строки. Последние ее публикации свидетельствуют о том, что писательница верна своей гражданской позиции.

Искра ДЕНИСОВА

Книжная графика

Из иллюстраций художника Б. ЧУПРЫГИНА к книге Ольги Кожуховой «Тридцать лет и три года». Издательство «Молодая гвардия».

с окружающим миром, как «потом, повзрослев, поумнев, потому так и ищем ее в слабой, жалкой надежде вернуть, иногда до глубоких седин...».

Тут и воспоминания об отце, о его незаметном и бесмертном труде агронома, и картины степей, летних гроз, воробьиных ночей, тут и мысли о ритмах города и деревни, о необратимых законах, понять которые можно только после немалого житейского опыта. Поэтичны описания воронежских мест, речных излучин и отмелей, лесов и земляничных полей, таинственных оврагов и двойных радуг. Вместе с автором видим заново многоликую красоту нашей Родины, всю необъятность ее, вместе слушаем голоса поколений, прошедших по этой земле. Потому так дорог нам главный вывод книги «Донник» о земле, как о великой драгоценности, которую нельзя ни подарить, «ни в бою сдать врагу».

Неизбывная эта мысль заставляет писательницу снова вер-

ду — совсем девочку, чистой своей разбудившую сокровеннейшие тайники его души.

Ожидая Лиду и всю группу разведчиков, словно предчувствуя их гибель, Шерстобитов созревает душой, впервые задумывается о будущих поколениях. Он хотел тогда, в марте сорок второго, оставить им в наследство лишь одно бесконечно счастливое чувство победы.

Исследование человеческих отношений в условиях войны, в ситуации великого противостояния фашизму, поработившему Европу, ведется О. Кожуховой в русле напряженной эмоциональности, создающей в соединении с глубоким психологизмом атмосферу подлинности, достоверности. Возникает крепкая нить, связующая времена, рождая взволнованное сопричастие событиям 1942-го. И тридцать лет спустя и ныне.

Пожалуй, наибольшая доля романтических красок отдана Сергею Большакову. Им начи-